

Глава 15. Избавление

Разорванный в клочья брачный договор стал частью её плоти, и теперь его уже невозможно было собрать воедино.

Ван Сухэ с прямой спиной спустилась по ступеням.

Во дворе повсюду валялись бумажные гости, почерневшая, испорченная еда была втоптана в грязь, сломанные столы и стулья были разбросаны в беспорядке.

Лишь высоко подвешенные красные фонари отбрасывали зловещий багровый свет, окутывая всё вокруг и вырисовывая на земле длинную, изящную тень женщины.

Эта фигура, не останавливаясь, направилась к воротам дома Чэней.

Мать Чэня, посиневшая от извергнутых волос, засунула обратно свой длинный язык и впиалась маленькими глазками в удаляющуюся спину Ван Сухэ.

Се Чанси, соединив кончики пальцев, собрал чёрный туман. Он брезгливо приподнял его за край, взвешивая на руке, и долго тряс, пока из дыма не высыпалась целая горсть мелких обрывков волос.

Призрак поморщился от отвращения так, что между бровей пролегла глубокая складка, и, отшвырнув туман в сторону, не стал убирать его как следует.

Линь Цисуй, наблюдая за этой сценой, нашёл её забавной и невольно улыбнулся.

Внезапно Се Чанси обернулся и поймал его ещё не успевшую исчезнуть улыбку.

Прекрасный призрак склонил голову набок, и в его стеклянных глазах промелькнуло удивление.

— Весело?

Линь Цисуй перестал улыбаться и честно кивнул.

Собеседник тоже улыбнулся и загадочно произнёс:

— Редкое зрелище.

Юноша хотел было спросить, что именно он имел в виду, но увидел, что Ван Сухэ уже исчезла в дверях.

Он потянул Се Чанси за рукав, и они поспешили за ней.

Тяжёлые деревянные ворота дома Чэней были распахнуты. У входа стояли бумажные изделия для призрачной свадьбы, а у двери своего дома, опираясь на тонкую палку, стояла слепая девушка.

Она замерла, не произнося ни слова.

Ван Сухэ переступила порог и с улыбкой посмотрела на красный бумажный паланкин, высокого коня, сундуки с приданым, обклеенные золотыми слитками, и выстроившуюся в ряд свадебную процессию.

Сваха, носильщики, музыканты — все были на месте.

Она радостно улыbnулась и обратилась к Линь Цисую:

— Будь добр, сожги это для меня.

— Хорошо, — ответил юноша и, повернувшись к Се Чанси, попросил: — Не мог бы ты зажечь огонь?

Тот моргнул своими пленительными миндалевидными глазами и слегка кивнул.

— Без проблем.

Он шевельнул пальцем, и язычок пламени лизнул угол паланкина. Огонь быстро разгорелся, охватив всю конструкцию, а затем перекинулся на бумажного коня. В мгновение ока перед домом Чэней бушевало пламя.

Ван Сухэ рассмеялась, подобрала юбки и лёгким прыжком влетела в самый центр пожара.

Алое свадебное платье мгновенно обратилось в пепел, и под ним показались белоснежные одежды.

Женщина шагнула из огня, окутанная языками пламени. Искры оседали на её распущенных чёрных волосах, сияя, словно мириады звёзд.

Вся объятая жаром, Ван Сухэ шаг за шагом вернулась к воротам дома Чэней.

— Дрянью! Ты... что ты задумала?! — Мать Чэня в панике закричала: — Убирайся! Вон отсюда!

Она продолжала сыпать проклятиями:

— Это ты, злая звезда! Ты прогнала моего Гуанцзуна! Из-за тебя у семьи Чэнь не будет наследника!

— Убирайся! Проваливай!

— Матушка, я не уйду, — Ван Сухэ тихо рассмеялась. — Разве вы не хотели, чтобы я осталась? Чтобы я всю жизнь хранила ему верность? Как я могу уйти?

Говоря это, она подошла к старухе и, раскрыв руки, крепко обняла её.

В тот же миг пламя перекинулось на одежду матери Чэня и мгновенно охватило её тело.

— А-а-а! Горячо! Слишком горячо! — закричала она.

— Горю! Я горю!

— Спасите! Спаси меня, Гуанцзун!

— На помощь! У-у-у...

Старуха отчаянно извивалась, но огонь, словно тень, следовал за ней, пока не превратил её в чёрный, обугленный комок.

Ван Сухэ с непроницаемым лицом оттолкнула её.

Обугленное тело упало на землю, но жизнь в нём ещё теплилась. Тварь каталась в пыли, извиваясь и вопя:

— Спасите! Больно! Помогите!

— Гуанцзун! Вернись! Спаси мать!

Существо ползало по земле, и от него во все стороны разбегалось пламя.

В мгновение ока весь дом Чэней был охвачен огнём.

Зарево становилось всё ярче, перекинувшись через стену на соседний двор.

Линь Цисуй увидел, как оттуда повалил густой дым.

Тут же раздались два мужских крика.

— А-а-а-а! Больно! Горю!

— Пожар! Пожар!

— Спасите!!!

— Дрянь! Глаза твои не видят, но ноги-то ходят! Тащи воду!

Со двора доносились вопли и проклятия. Слепая девушка взяла свою тонкую палку и плотно прикрыла дверь, заперев её на засов.

Се Чанси цыкнул языком, шевельнул пальцем, и тяжёлые деревянные ворота дома Чэней с протяжным, леденящим душу скрипом медленно закрылись.

Двери захлопнулись, отрезав огненный ад и вопли терзаемых в нём злых духов.

Ван Сухэ в белоснежном платье стояла рядом, и Линь Цисуй увидел в её глазах чистый, ясный свет.

Она улыбнулась и, протянув руку в сторону переулка, нежным, ласковым голосом произнесла:

— Вэй-лан, ты наконец-то пришёл. Я так долго тебя ждала.

Линь Цисуй замер и, обернувшись, увидел, как молодой человек со смуглой кожей, которого он видел в ичжуане, медленно идёт к ним.

Он был одет в те самые погребальные одежды, в которых его положили в гроб. Подойдя к Ван Сухэ, юноша крепко обнял её.

— Благоприятный час настал!

Пронзительный голос раздался прямо у них над ухом.

Линь Цисуй обернулся и увидел, как из густого тумана вышла сваха с большим красным цветком в волосах и густо наруганными щеками.

За ней следовал чёрный конь с красным цветком на шее, четверо носильщиков с небольшим паланкином, на котором был наклеен белый иероглиф «счастье», и два музыканта, бывшие в барабаны и гонги.

— Новобрачные, нельзя упускать момент, — сваха, помахивая платком, подошла к ним и поторопила: — Невеста — в паланкин, жених — на коня, нам пора в путь.

— Хорошо, хорошо, не торопи нас, — Ван Сухэ чуть склонила голову, на её лице играла застенчивая улыбка.

Наконец, они неохотно разомкнули объятия. Юноша вскочил на коня, а невеста грациозно направилась к паланкину.

Линь Цисуй и Се Чанси стояли в стороне, наблюдая за тем, как влюблённые наконец-то воссоединились.

Но Ван Сухэ, уже занеся руку, чтобы откинуть полог, вдруг остановилась.

К удивлению Линь Цисуя, она подошла к нему, сняла со своего запястья браслет из чёрного дерева и надела ему на руку.

Глубокой ночью над городом разносились звуки гонгов и барабанов.

Свадебная процессия весело скрылась в ночной тишине.

Линь Цисуй смотрел им вслед, в то время как за стеной всё ещё раздавались предсмертные вопли.

Так в доме Чэнь праздновали радость, но красное дело обернулось горем. Те же, кто встретил свою прежнюю судьбу, праздновали похороны — и белое дело стало для них счастьем.

— Пора идти.

Холодок коснулся плеча юноши.

Беспокойные пальцы прекрасного призрака снова легли на него.

— Да, — Линь Цисуй пришёл в себя и вздохнул с облегчением.

Наконец-то всё закончилось.

Они пошли обратно, и мгла была настолько густой, что невозможно было разглядеть собственные пальцы.

Юноша чувствовал смертельную усталость и хотел лишь одного — добраться до своей кровати в мастерской и провалиться в сон.

Но стоило его левой ноге ступить на каменную плиту перед дверью лавки — ту самую, на которой остались следы недавнего пожара — как тьма начала стремительно отступать.

В мгновение ока ночь сменилась ярким днём.

Улица осталась прежней, мастерская бумажных изделий и цветочная лавка бабушки Чжан стояли на своих местах.

Но окружающий мир всё же стал иным.

Линь Цисуй огляделся и увидел, что все строения в округе пришли в полный упадок: выбитые окна, сгнившие двери, просевшие крыши с нехватящими плитками черепицы, повсюду густая паутина.

Всё выглядело так, будто здесь уже много лет не ступала нога живого человека.

— Что произошло? — с недоумением спросил он Се Чанси.

Тот стоял рядом, сложив руки на груди, и смотрел на разруху как на нечто само собой разумеющееся:

— Это и есть реальный мир. До этого мы находились в «Испытании».

— Что это за «Испытание»? — спросил Линь Цисуй.

— «Испытание» — это территория, которую призрак заключает в барьер. На своей земле они могут по своему желанию использовать иллюзии, чтобы обманывать людей. Запреты — это сила, способная ограничивать призраков, поэтому тех, кто их нарушает, духи могут карать по своему усмотрению.

— Возьмём Ван Сухэ. Её «Испытание» охватывало дом Чэней и места, где она часто бывала при жизни — то есть всю улицу Хуайань.

Призрак посмотрел на опустевшую улицу и добавил:

— Теперь её обида утихла, одержимость прошла, и «Испытание», естественно, разрушилось.

<http://bllate.org/book/13453/1690894>